

КОНЕЧНО, для подавляющего большинства отечественных читателей Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) — это прежде всего роман "Остров сокровищ", прочно занявший место в золотом фонде нашей детской и приключенческой литературы, чему сильно поспособствовал перевод Николая Чуковского. Хотя в первый раз на русском языке книга вышла ещё в 1886 году, но именно в советское время в нашей стране роман постоянно (больше сотни раз) переиздавался, неоднократно экранизировался, а созданный по его мотивам на киностудии "Киевнаучфильм" (в 1988 году, когда жители Украины ещё умели не только в неонацизм) одноимённый мультфильм уже практически в наше время был, благодаря Интернету, растащен на видеосцены по всему миру. К этому стоит добавить самые разнообразные и неожиданные отражения книги в отечественной культуре (в том числе "бардовскую" песню "Бригантина" на стихи Павла Когана:

"Пьём за ярыхных, за непохожих, / За презревших грошевой уют. / Вьётся по ветру "Весёлый Роджер". / Люди Флинта песенку поют", роман Роберта Штильмарка "Наследник из Калькутты", даже кинокомедии "Джентльмены удачи" и другие). То есть это произведение Стивенсона было и остаётся как-то по-особенному созвучно той самой загадочной "русской душе", ареал которой до сих пор уточняется на широком пространстве от архетипа до мифа.

Но для английской и мировой литературы значение этого писателя вовсе не сводится к созданию "Острова сокровищ" (что характерно, под настоящим

именем автора роман вышел далеко не сразу, в первом, журнальном, варианте таковым значился некий "капитан Джон Норт"), хотя он, как отмечается исследователями, в итоге стал фундаментом целого набора общеполитурных стереотипов о пиратах: это потерявший из-за ранений ногу или (что чаще) глаз моряк, попугай на его плече, кричащий "Пиастры! Пиастры!" (в оригинале — в единственном числе: "pieces of eight", т. е. "восмерик", серебряная монета в восемь испанских реалов), пристрастие к рому, "чёрная метка", необитаемый остров с картой припрятанных там сокровищ, даже песня "Пятнадцать чело-

вёлся на юридический факультет того же университета, и причинами тому послужили как его действительно слабое здоровье (свое детство, с постоянными болезнями и долговременным пребыванием в постельном режиме, он даже характеризовал как пребывание в "стране Одеэлии"), так и вызванная этим обстоятельством привычка к чтению и "фантазёрству", а также вытекающее из неё желание писать самому. "В моём кармане непременно торчали две книжки: одну я читал, в другую записывал". — вспоминал впоследствии писатель. Родители, если учитывать их религиозные нравы, в целом куда

лет оказались не какие-то осложнения этой неизлечимой в то время болезни, а инсульт.

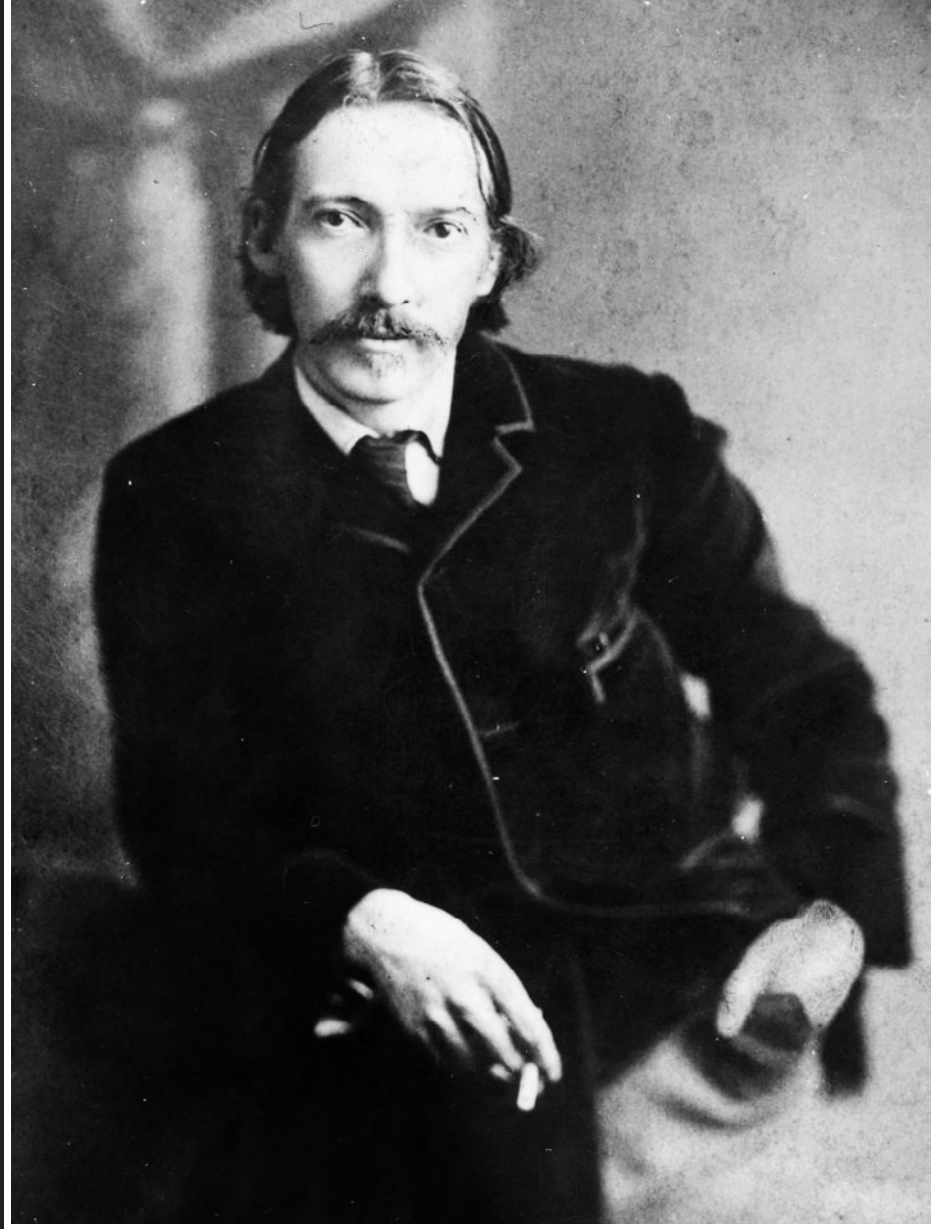
В ПРЕДИСЛОВИИ к пятитомному собранию сочинений писателя Михаил Урнов характеризовал его как "основоположника, теоретика и ведущую фигуру английского романтизма последней четверти XIX века, значительного литературного направления, которое принято называть неоромантизмом в отличие от романтизма первых десятилетий века". К числу представителей этого направления также относят Джозефа Конрада, Артура Конан Дойла, Редьярда Киплинга и ряд менее известных в России английских писателей того времени.

В настоящее время неоромантиков всё чаще рассматривают как проводников концепции британского неомпериализма, воплощавших в своём творчестве принцип "мужественного оптимизма". Утверждается даже, что "неоромантизм Р.Л. Стивенсона стал методом формирования консенсуса по проблемам сохранения и экспансии Британской империи в конце XIX века".

Провозглашённое самим писателем кредо "Будем по мере сил учить народ радости" — достаточно далеко от воспетого Кипплингом "бремени белых": об отсутствии у Стивенсона расовых предрассудков свидетельствуют обстоятельства его четырёхлетней жизни на самоанском острове Уполу, от коренных жителей которого он получил почётное прозвище Тузитала (Рассказчик), а после смерти был удостоен ритуала почётных похорон на вершине горы Ваза.

Но его кредо апеллирует к тем же ценностям "рыцаря без страха и упрека", воплощением которых можно считать образ Энгеррана де ла Феёе в первом опубликованном художественном произведении писателя — рассказе "Ночлег Франсуа Вийона". Представление "строителя империи" как человека высоких нравственных качеств, "сильного духом, а потому и телом", пусть далеко не идеального, но вопреки даже самым неблагоприятным внешним обстоятельствам стремящегося всей своей жизнью и деятельностью исполнить некий высший долг не только перед родиной, но и перед человечеством в целом, а не просто достичь богатства и прочих внешних благ любой ценой, — этот идеал, воплощённый Стивенсоном в его произведениях, является краеугольным камнем сначала британского неомпериализма, а затем и американского глобализма. Но если для данных итераций западной цивилизации это прежде всего необходимая и удобная опора, оправдание их господства над остальным миром, то для цивилизации русской — это реальное руководство к действию. Поэтому не спешите освобождать свою книжную библиотеку от "Острова сокровищ" и других произведений Стивенсона, хотя "в Интернете всё равно всё есть". Вашим детям и внукам они наверняка пригодятся.

Георгий СУДОВЦЕВ

"ДОРОГОЙ дядя Гилей, крёстный мой отец по литературе и гимнастике, скорее я вообще Москву без царь-колокола и без царь-пушки, чем без тебя. Ты — пуп Москвы" — так обращался Александр Куприн в письме к Владимиру Гиляровскому, репортёру, которого обожали поэты и воришки, квартальные надзиратели и революционно настроенные интеллигенты. Гиляровский был храбр — он пробирался в такие закоулки, где боялся ходить даже околоточный. Невероятно сильный и здоровый, дядя Гилей отличался добротой. Гнул подковы, ходил на медведя, но не мог ударить какого-нибудь хама. Лишь пожури. Будучи популярным, жил без расточительства. Он везде гость: и в дворянских салонах, и на Хитровке — там его знал каждый бродяга. Не будучи природным москвичом, как никто чувствовал дух Первопрестольной.

"Гиляровский — поэт, писатель, знаток России и Москвы, человек большого сердца, чистейший образец талантливого нашего народа", — говорил Константин Паустовский. "Этот не обманет, не разочарует, не оскорбит", — добавлял Владимир Немирович-Данченко. "В нём есть кое-что ноздрёвское, беспокоеное, шумливое, но человек это простодушный, чистый сердцем, и в нём совершенно отсутствует элемент предательства", — сообщал Антон Чехов в послании к Максиму Горькому. Гиляровский был внимателен ко всему — к повадкам и рассказам извозчиков, к одекологам в парикмахерских, к экипажам аристократок. Театральная премьера? Там Гиляровский! Выставка изобразительных искусств — он тут как тут. Успевал всё: и поболтать с разносчиком баранок, и заглянуть в трактир, и прочитать новую книжку. По сути, Гиляровский "открыл" Москву, показав её во всей красе и — убожестве. Жизнь пестра и многолика. В ней масса нюансов, а дворцы соседствуют с лачугами. Писать о барынях в шелках — наслаждение и отрада, но дядя Гилей опускался на самое дно, чтобы познать души отверженных. Это его этой проблемой не сильно озадачивались — репортёры могли расписать суд над голодранцем, но не посещали ночлежек и не общались с переклещками краденого. Репортёр должен чутя пульс города — таковым было кредо Гиляровского. Быть всюду и писать обо всём.

В МУЗЕЕ русского импрессионизма сейчас проходит уникальная выставка "Свой человек", посвящённая Владимиру Алексеевичу Гиляровскому (1855—1935). Действительно, он был своим для всех и каждого — с любым человеком бывал на "ты". Фамильярность? Отнюдь. Сопричастность, сострадание, созвучие. Путь и становление, извивы судьбы и важные встречи — посетители знакомятся с

биографией "короля репортёров" через картины Ильи Репина, Сергея Малютина, Василия Кандинского, Владимира Маковского, Абрама Архипова и Василия Верещагина. И это ещё не полный список громких имён.

Встречает нас портрет Гиляровского, написанный Сергеем Малютиным. Это изображение наиболее узнаваемо и считается "каноническим". Репортёр смотрит на нас пристально, точно пытается разгадать мысли и чувства. Этот чуткий взгляд и наклонённая голова типичны для Гиляровского. Художник точно передал движение — он-то хорошо знал дядю Гилея, ибо дружил с ним. Малютин был очарован богатёрём-интеллектуалом и сумел донести до нас его нетривиальный облик. Всё тут дышит спокойствием и силой.

воздушные гимнастки. Увы, к циркачам относились с пренебрежением, хотя их искусство нравилось и простолюдинам, и знатной публике.

Цирк — это культбты на износ, бесправие и полное отсутствие социальной защиты. Артист, получивший травму, буквально выкидывался на улицу — цирковой мир был жесток. Там спасало жизнелюбие, которым и обладал Владимир Гиляровский. На небольшой картине Константина Юона "Цирк вечером" можно прочитать название "Цирк Саламонского" — то был один из центров притяжения тогдашней Москвы.

Кроме того, Гиляровский подвизался в качестве театрального актёра, выступая в Рязани, Воронеже, Саратове, Пензе и, наконец, в Москве. Стал печа-

ко, знак петровского царствования — одна из мощных городских доминант старой Москвы. Сам же район долгое время считался криминальным. "Сюда в старину москвичи ходили разыскивать украденные у них вещи, и не безуспешно, потому что истарии Сухарева была местом сбыта краденого. Вещи продавались на Сухаревке дешёво, "по случаю". Сухаревка жила случаем, нередко несчастным", — отмечал Гиляровский.

Изумительна вещьца Елизаветы Кругликовой "Пассаж Солодовниковова" — силуэт, вырезанный из бумаги. Потрясает динамика фигур. Фифочки в шляпках, экипажи, извозчики, чиновники, сестра милосердия, провинциал в диковинной шапке — толпа захлещывает улицу. Этот пассаж замысливался в

завещал на обустройство земских училищ и приютов.

На полотне жанриста Владимира Позднеева "Утро в ночлежном доме" наблюдается обычная сцена: кто-то уже проснулся, кто-то ещё дремлет, иные обитатели уже потянулись к выходу. Хозяин дома проверяет бумаги нового жильца, впрочем, в ночлежку пускали и без документов. Тусклым огоньком светит керосиновая лампа. Художник умело передаёт состояние людей — им предстоящий день не сулит ничего, кроме унижений. Позднеев часто обращался к теме угнетённых классов и был близок к Передвижникам.

Сам Гиляровский так описывал те безрадостные жилищно-норы: "Двух- и трёхэтажные дома вокруг площади все полны такими ночлежками, в которых

пролетариев. Прелюбопытна картина Владимира Маковского "Интервью". Перед нами чванливый господин, с которым подобострастно беседует журналист. В те годы журналистика не была престижной специальностью — туда шли от бедности прогоревшие дворянчики или дети разночинцев, не нашедшие себя ни в чиновной службе, ни в педагогике, ни в писательстве. Газетные авторы питались плоховато, перебиваясь жалкими рублишками. Отсюда — приниженный вид. Разумеется, и сам Гиляровский начинал весьма скромно, это уже потом его стали приглашать на обеды к генералам и сановникам. Всё же такая карьера — исключительный вариант.

Великолепен "Продавец яблок" Лидии Чичаговой — внучки Николая Чичагова, главного зодчего Храма Христа Спасителя. На картине — суровый мальчик с недетскими глазами и плотно сжатым ртом. У него нет развлечений,образных возрасту — он уже взрослый. Знает, как торговать и — торговаться, кому сделать скидку и как не прогадать. Такие мальчишки

МИР ГИЛЯРОВСКОГО

Выставка в Музее русского импрессионизма

Далее — портрет, созданный Василием Мешковым, который также входил в число друзей Гиляровского. Тут уже другая стилистика: исследователь московских ночлежек явлен непримиримым бунтарём, защитником правды, смельчаком. Он и был таким: то штиль, то буря.

На сопроводительных стендах — биография героя. Даже в кратком изложении она выглядит головокружительно-извилистой, как художественное произведение. Родился он в Вологодской губернии, в имении господ Олсуфьевых, где Гиляровский-старший служил помощником управляющего. Володя учился в гимназии, однажды в науках не преуспел — всё больше рисовал, писал стихи и насмешливые эпиграммы на менторов. Параллельно с этим увлекался цирком и брал уроки акробатики и джигитовки. Мало этого, юноша общался со ссыльными народниками и читал запрещённую литературу, проникаясь идеями революции.

Где только не трудился Гиляровский! Его основательно поматало по стране — география передвижений впечатляющая. Был истопником, крютником в порту, пожарным, табунщиком, рыболовом, булраком на Волге. Среди экспонатов зарисовки с натуры: бурлаки, грузчики, работники. Интересна картина Лидии Базановой "Крючники" — художница работала в провинциальных городах и занималась просветительской деятельностью. Её фавулы — типично передвижнические: народ, его тяготы и стремления.

Ещё одна профессия Гиляровского — цирковой наездник. Тема цирка представлена полотнами Бориса Иогансона и Николая Сапунова. Арена, шик-блеск, лошади, клоуны и —

таться в прессе. Москва поразила бывалого Гилея — он тут же влюбился в этот суматошный город с его пышными бульварами да кривыми проулками. Москва расточительна и раздолбна. Тут всё наотмашь.

"Вид Москвы от дома Хлудова", писаный Алексеем Боголюбовым, изумляет своими деталями: каменные львы, роскошная зелень парка, цветы и панорама, открывающаяся до самого горизонта. Хлудовы — именитый купеческий род, специализировавшийся на производстве хлопчатобумажной пряжи. Гиляровский в книге "Москва и москвичи" вспоминал Алексея Хлудова, "...которому отведена печатная страничка в словаре Брокгауза, как собирателю знаменитой хлудовской библиотеки древних рукописей и книг, которую описывали известные учёные. Библиотека эта по завещанию поступила в музей. И старик Хлудов до седых волос вечера проводил по-молодому ежедневно за лукулловскими ужинами в Купеческом клубе".

На акварельном этюде "Кафе Филиппова", нарисованном Алексеем Степановым, мы видим разодетую публику, сидящую за столиками. Кто-то болтает, иные — читают газеты, а какой-то мужчина пытается завязать милое знакомство с дамой в чёрном платье. Это заведение булочника Ивана Филиппова, известного всей России — его хлебный магазин на Тверской славился вкуснейшим товаром, а кафе было этакой "игрушкой" хваткого предпринимателя — оно создавало атмосферу уюта и довольства.

Несколько работ посвящены Сухаревой башне — таинственной, странной, не то феерической, не то безобразной. Этот шедевр отечественного барок-

Владимир Алексеевич Гиляровский на Воскресенской площади. 1890-е гг.

духе французских магазинов — там продавалось буквально всё — от ниток до шуб на атласной подкладке. Хозяин этого "дамского счастья" Гаврила Солодовников был хитёр, жаден, но притом щедр. Как это сочеталось в одном человеке — неясно. Вот свидетельство Гиляровского: "В Сандуновские бани приходил мыться владелец пассажа миллионер Солодовников, который никогда не спрашивал — сколько, а молча совал двугривенный, из которого банщику доставалось только гривенник". Крайне мало! Меж тем, экономя на оплате банной процедуры, купец жертвовал деньги больницам и театрам, а большую часть своего состояния

ночевало и ютилось до десяти тысяч человек. Эти дома приносили огромный барыш домовладельцам. Каждый ночлежник платил пятак за ночь, а "номера" ходили по двугривенному. Под низкими нарами, поднятыми на аршин от пола, были логовища на двоих; они разделялись повешенной рогожей. Пространство в аршин высоты и полтора аршина ширины между двумя рогожами и есть "номер", где люди ночевали без всякой подстилки, кроме собственных отрепьев".

СРЕДИ ЭКСПОНАТОВ — портреты лоточников, дворников, завсегдатаев кабака, швейцаров, заводских

тоже — приятели Гиляровского, они с удовольствием рассказывали все новости и сплетни.

Экспозиция "Свой человек" обширна и уникальна. Владимир Гиляровский — лицо-эпоха, а вместе с тем сердечный и праздничный дядя Гилей. Таковым он оставался всегда, а ему был уготован долгий век. Скончался Владимир Алексеевич в 1935 году, когда "жить стало лучше, жить стало веселее". Он успел возродиться москвичом мэтра, парку имени Горького, магистральным "сталинским" домом. Это был удивительно современный и — своевременный человек.

Галина ИВАНКИНА